

НАТАЛЬЯ
ОРБЕНИНА

— интриги, тайны и любовь —

ИСПОВЕДЬ
АВАНТЮРИСТКИ

Наталия Орбенина
Исповедь авантюристки

«ЭКСМО»

2011

Орбенина Н.

Исповедь авантюристки / Н. Орбенина — «Эксмо», 2011

© Орбенина Н., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Наталья Орбенина

Исповедь авантюристки

Глава 1

«Милостивый государь мой, Константин Митрофанович!

Пишу к Вам не только потому, что Вы служите в полицейском ведомстве, но и потому, что Вы родная Андрею Викторовичу душа. Питаю надежду на сочувствие и скорую помощь в постигшем нашу семью несчастье...»

«Ах, нет, невозможно, казенно, нескладно. Господи, да как же попросту попросить помочь?» Аполония Станиславовна с тоской смяла листок и бросила его в корзину. Письмо ей не давалось, и она знала почему. Она боялась назвать вещи своими именами, чтобы не накликать еще большей беды. Андрей Викторович, ее супруг, совладелец и директор одного из самых популярных закрытых пансионатов для девушек, исчез, пропал таинственным образом. Как сквозь землю провалился!

Аполония собралась с духом и принялась за новое письмо. Оно было адресовано троюродному брату мужа, служившему в Петербургской сыскной полиции следователем. Сердюков, так звали родственника, иногда заезжал к ним. Аполония слегка смущалась этого неразговорчивого, одинокого человека, который, как ей казалось, и не выходил из полицейского участка, проводя все дни свои в неустанных трудах на благородном поприще защиты законопослушных обывателей. Она и подумать не могла, что ей придется когда-либо просить его помощи!

«Дорогой Константин Митрофанович! У нас превеликая беда. Не знаю, как и сказать. Андрей пропал, уже как неделю. Ни письма, ни записки, вообще никаких следов. Я делаю вид, что ничего не случилось, пансион работает, девочки учатся. Я веду все дела сама. Говорю, что господин директор в отъезде по срочным делам. Но ведь так долго продолжаться не может! Боюсь скандала, родители тотчас же разберут детей, и тогда пропало дело всей Андриюшиной жизни! И это теперь, после тех неприятных для репутации нашего пансиона статей в газетах с немыслимыми обвинениями в наш адрес! Ума не приложу, что с ним случилось. Вы ведь его знаете, он человек обстоятельный, легкомысленные порывы ему не свойственны. Впрочем, я готова принять любую новость, которая прояснит ситуацию. Пребываю в величайшей тревоге. Молю, сохраните мое письмо в тайне от кого бы то ни было. Надеюсь, что откликнетесь.

Ваша Аполония Хорошевская».

Запечатав письмо, молодая женщина позвала горничную и приказала отправить письмо немедленно. На конверте она написала домашний адрес Сердюкова. Ничто не указывало на то, что оно адресовано полицейскому следователю.

Горничная, выходя из комнаты, уже в дверях вдруг остановилась:

– А Андрей Викторович скоро будут?

Аполония вся внутренне сжалась.

– Вероятно, скоро. А на что он тебе?

– Так ведь жалованье обещали прибавить в этот месяц. Ведь я и у старших барышень в дортуаре прибирала, когда их горничная захворала.

– Да, да, конечно! – торопливо проговорила Аполония и поспешила в другую комнату за деньгами. – Вот тебе, а теперь поскорее отправь письмо!

– Премного благодарствуйте! – Горничная скользнула цепким взглядом по немного растерянному лицу барыни и быстро вышла вон.

«Догадывается! Плохо я умею лгать! Актриса из меня негодная! Господи, помоги Андриюше! Куда же он запропастился?»

Аполония Станиславовна глянула на себя в зеркало. Лицо было бледное, выражение лица слишком напряженное. Она почти бездумно провела щеткой по пышным темно-русым волосам, собранным в высокую прическу валиком. Попыталась улыбнуться, вышло плохо, кисло.

Из-за дверей неслась трель звонка. Пригладив и без того безукоризненный белый кружевной воротничок, она глубоко вздохнула и вышла из директорских апартаментов с высоко поднятой головой.

Навстречу ей попадались учителя, спешившие в классы с книгами, картами, чучелами. Пансионерки в темно-зеленых платьях с пелеринами при виде любимой начальницы сделали глубокий реверанс и хотели было обступить ее с веселым щебетаньем, но на сей раз госпожа Хорошевская их разочаровала:

– Ступайте, ступайте, милые дети, по классам! Мне нынче некогда. У меня много дел!

Девочки разбежались, и только одна, маленькая и очень хрупкая на вид, прижалась к ее руке.

– Лизонька! Дружок! Ты что-то грустна нынче?

Она погладила девочку по головке с особенным чувством. Лизонька приходилась директрисе родной племянницей. В пансионе она была первый год, скучала по дому, и даже присутствие любящей тетки не скрашивало тоски ребенка по матери.

– Маменька нынче снилась! Проснулась, а ее нет. Я даже заплакала! – тихо пролепетала малышка.

– Полно, Лиза! Ты опять плачешь! Посмотри, сколько вокруг милых и веселых девочек! Они не плачут, хотя тоже скучают по своим родителям. А ведь подле них нету, как у тебя, дяди и тети.

Аполония старалась казаться бодрой, но чуткое сердце ребенка угадывало тревогу тетки.

– Андрей Викторович скоро вернется? Он вместе с моей мамой приедет? Да?

– Вот уж не знаю, как на этот раз получится.

Аполония снова погладила девочку по светлой головке, украшенной черным атласным бантом. Муж действительно частенько, когда бывал в столице по делам, заезжал к свояченице.

Раздался пронзительный звонок. Швейцар Яков, в обязанности которого входило не только смотреть за парадным входом, но и подавать звонки на уроки, с усилием тряс большим медным звонком, гулкий звон которого разносился по всему зданию пансиона.

День полетел стремительно. Аполония взвалила на себя весь груз забот: проводила занятия, решала хозяйственные проблемы. Но чем бы она ни занималась, тревога неотступно грызла ее сознание. Конечно, Андрей молодой, привлекательный мужчина. Говорят, у всех женатых мужчин, какими бы примерными семьянинами они ни были, случаются посторонние связи, скоротечные романы. Наверное, она уже немного ему надоела, со своей непомерной лаской, неистовой, ненасытной любовью. Она слышала также, что мужья иногда сильно пьют, себя забывают. Андрей не из таких, но ведь всякое может приключиться! Только бы он объявился живой и невредимый. А там уж они разберутся. Только бы не вышло наружу. Очередного скандала пансион не вынесет, все пойдет прахом!

– Сударыня! Вы слушаете меня? – неожиданно резко раздалось рядом.

Она уже минут десять разговаривала с учителем истории и философии господином Мелихом, но так погрузилась в свои мысли, что совсем забыла о собеседнике.

– Мне кажется, сударыня, что вы не совсем правильно поняли меня. Мы говорили с господином директором, что он уж нынче сам рассмотрит предложенный мною план лекций. Я корпел над ним весь прошлый год! Ведь это была идея господина директора!

– Да, да! – поспешно ответила Аполония. – Я понимаю вашу озабоченность. Конечно, Андрей Викторович непременно вызовет вас к себе тотчас, когда прибудет. Не беспокойтесь, ваш труд, несомненно, будет оценен по достоинству.

Она поторопилась отойти от учителя. Тот уже намеревался познакомить ее с содержимым увесистой папки, которую сжимал под мышкой.

К вечеру, когда занятия в классах закончились и пансионерки и старшего и младшего класса разошлись по своим дортуарам, Аполония поспешила укрыться за дверью директорской квартиры. Вдруг она услышала, как во двор въезжает экипаж.

Господи, неужели Андрей? Неужели Господь услышал ее мольбу? Или, может, это Сердюков уже получил письмо и примчался быстрее ветра? Она нетерпеливо выглянула в окно, не дожидаясь доклада горничной. Из роскошного ландо плавно вышла нарядная женщина. Приезжая подняла голову, ища взглядом окна квартиры директора, и, заметив Аполонию, приветливо помахала рукой. Это была старшая сестра Аполонии Аделия, мать Лизы.

Сестры обожали друг друга, всегда радовались встрече. Но теперь приезд Аделии оказался нехотанным. Аполония не хотела раскрывать ужасную тайну до выяснения каких-либо обстоятельств, но и притворяться перед сестрой она не могла, слишком хорошо они знали друг друга.

Через минуту гостя уже вплывала в гостиную. Аделия носила траур по мужу. Но даже вдовьи одежды не заглушали в ней врожденного вкуса и изящества. Некоторые вдовы кокетничают в своем черном убранстве. Аделия не принадлежала к породе таких безнравственных особ. Ее горе было безмерно, и она носила траур с особым чувством. Черное платье, став ее основным нарядом, отличалось изысканным вкусом и своеобразием: чего стоили одни плерезы – эти печальные символы невосполнимой утраты, нашитые по вороту и рукавам платья!

Сестры были очень похожи, обе высокие, полногрудые, статные. Правда, Аполония всегда считала Аделию более привлекательной. Большие, ласковые серые глаза сестры казались бездонными, притягивали к себе, проникая взглядом в самую душу.

Они нежно поцеловались.

– Ты бледна нынче. Нездорова? – Аделия сняла перчатку и провела мягкой рукой по щеке сестры.

– Просто устала.

– Яков сказал, что Андрей Викторович в отъезде? Отчего он не зашел к нам?

«К нам. Она все еще говорит так, хотя живет одна», – молниеносно пронеслось в голове у Аполонии.

– Не знаю, вероятно, дела, – спокойно ответила Аполония и, чтобы перевести разговор, сразу спросила: – Как там Лека?

– Чудит по-прежнему. Но я ее давненько не видела, – со вздохом ответила Аделия. Таким тоном обычно говорят либо о неизлечимых больных, или о запойных пьяницах.

Лека, Леокадия, третья и самая младшая из сестер Манкевич, единственная оставалась незамужней и вела весьма вольный образ жизни, чем повергала старших сестер в большое уныние.

В это время снаружи раздался довольно громкий звук. Кот упорно царапал дверь. Аделия поспешно отворила, и в квартиру важно вступил огромный пушистый белый кот. Он вошел, горделиво подняв хвост, чувствуя себя тут хозяином. Потянулся передними лапками, потом задними, размял спину и уселся, вперив в гостью лукавые голубые глаза.

– А, Жалей! Милый котик! Пришел со мной поздороваться? – Гостя приветливо потрепала его. Жалей позволил ей эту вольность, а потом прыгнул на диван и растянулся там, не сводя с женщин внимательного взгляда.

– Как моя Лиза? – мимолетно поинтересовалась Аделия, расхаживая по комнате и раскладывая предметы своего изысканного гардероба: шляпу с вуалью-паутинкой, перчатки, тальму. Она старалась не попасть в кошачью шерсть: белые волоски на черном так заметны. Беспорядок в комнате ей очень не нравился, но она не стала говорить об этом вслух, лишь подумала: «Все-таки никудышная горничная у Поли, плохо сметает и пыль, и шерсть!»

- Лиза здорова, только скучает. Нынче опять плакала.
- Пошли за ней, хочу ее видеть поскорее, мою девочку!

Аполония медлила.

– Деля, родная, я понимаю твои чувства. Но ты всякий раз игнорируешь мою просьбу не вызывать Лизу из дортуара, когда все дети уже уgomонились и готовятся ко сну. Поднимется шум, гам, разговоры, недовольство, что племяннице директора предоставляются особые условия. Она начнет плакать, будет просить оставить ее ночевать здесь, с тобой. Нехорошо выйдет перед другими детьми.

– Да, все правильно. Но теперь, когда мы с ней остались одни, я каждую минуту ощущаю ее отсутствие. Это невыносимо тяжело для нас обеих. – Аделия недовольно повела плечами, ей не хотелось доставлять сестре неприятности, но и отказаться от желания тотчас же обнять своего ребенка она не могла.

– Неужели ты приехала, чтобы забрать Лизу домой? – догадалась Аполония и с отчаянием подумала: «Час от часу не легче! Что скажут другие родители, когда узнают, что из пансиона забрали племянницу директора? Значит, все слухи и подозрения верны! О, нет, только не теперь!»

Аделия выглядела смущенной. Ей совершенно не хотелось вставлять палки в колеса делу сестры и зятя. Но в последнее время у нее неожиданно появилась тяжесть на сердце. Такое же странное чувство она испытала тогда, накануне гибели Антона Ивановича, обожаемого супруга.

– Прошу тебя, не надо так расстраиваться. В сущности, я еще ничего не решила, – примирительным тоном ответила Аделия, но сестра поняла, что решение уже принято.

– Но неужели вы поедете сейчас, на ночь глядя?

– Разумеется, нет. Я переночую, а утро вечера мудренее. Прикажи чаю подать, а то я уморилась в дороге.

Аполония позвонила горничной и распорядилась насчет легкого ужина. За столом разговор не клеился, это еще больше обеспокоило заботливую Аделию. Она трепетно относилась к сестрам и опекала их по праву старшинства. Аполония чем-то встревожена и озабочена, да так сильно, что не слушает разговора, теряет нить беседы.

После ужина, прочитав вечернюю молитву, гостя устроилась поудобнее на широком диване, на котором ночевала всегда, когда приезжала погостить к сестре. Нехорошо, однако, что она не повидалась с дочерью и даже не сказала ей, что приехала. Ну да ладно, завтра утром явится перед Лизонькой, точно фея из сказки. И Аделия с улыбкой представила себе бурный восторг ребенка.

Сон на этот раз был тревожным. Она просыпалась несколько раз, прогоняя неприятные сновидения и ворочаясь с боку на бок. С чего бы это? Здесь, далеко от шумной и пыльной столицы, среди леса, на берегу реки Тосны, ей всегда спалось очень хорошо и сладко. Проснувшись в очередной раз, она увидела, что из-под двери комнаты сестры пробивается свет. За окном чуть зарождался день, но ночная мгла еще не разошлась. Аделия с трудом поднялась и, кутаясь во фланелевый капот, пошла к Аполонии. Та сидела около стола с зажженной лампой, в ночной кофте, с распущенными волосами и плакала. На коленях, уперев в ее грудь широкие лапы, неподвижно замер Жалей. Видимо, это продолжалось уже давно, так как нежное лицо сестры опухло от слез.

– Что ты? – испугалась Аделия. – Да что тобой?

– Андрей пропал! – в отчаянии выпалила Аполония. Она пошевелилась, и кот, недовольный переменой положения хозяйки, прыгнул с колен.

– Как так пропал? Что значит пропал? Он же не ребенок! Это взрослый человек! И куда он мог пропасть? Ведь пансион твой, на твое приданое открыт, куда он мог без денег податься? – изумилась Аделия.

– Я совершенно теряюсь в догадках. Я ничего не понимаю!

– Давно?

– Уже как неделя!

– И ты молчала? – Аделия всплеснула руками. – Ты в полицию заявила?

– Помилуй, Деля, какая полиция! Огласка совершенно невозможна в нашем деле! Правда, я нынче написала письмо Андриюшиной родне, Сердюкову, ну тому, что в полиции служит. Просила его о приватной помощи.

– Так... вот, значит, в чем дело! – протянула Аделия. – То-то, я вижу, ты вроде как сама не своя. А может быть, у него любовница? Может, он сбежал с вашей казной?

– О... о... нет, – только это и смогла вымолвить Аполония..

Светало. За окном послышалось пение птиц. Пора было приводить себя в порядок и встречать новый день, опять улыбаться, изображать деловитую озабоченность.

– Теперь я понимаю, почему ты так болезненно отнеслась к моим желаниям забрать Лизу. Поля, девочка моя родная! Ты же знаешь, что я болею за тебя и Леку всей душой. Хорошо, теперь я не стану ее забирать, повременю. Пока история с Андреем не разрешится.

– Благодарю тебя! – Сестры пылко обнялись. – Я всегда знала, что ты мой верный друг. Наш друг, – добавила она, помедлив.

«Боже, неужели и меня не минует сия чаша?» – с замиранием сердца подумала Аполония. Призрак вдовства замаячил перед ее взором. Нет, нет, она не собирается хоронить мужа. Нет, с ним ничего страшного не случилось. Загулял, запил, сбился с дороги, что угодно. Нет, нет, он жив... жив.

– Уроки в классах еще не начались? – спросила Аделия.

Аполония бросила взгляд на большие напольные часы. Еще не было и половины восьмого, занятия начинались в девять часов. Пансионерки поднимались по распорядку в семь часов утра. Конечно, это рановато для маленьких неокрепших душ. Но это ничто по сравнению со спартанскими условиями Института, в котором обучались сестры Манкевич. Там воспитанницы поднимались в шесть утра, и эти ранние пробуждения запомнились сестрам как один из главных кошмаров их институтской юности. Поэтому, став директрисой частного пансиона, Аполония подарила своим ученицам лишний час сладкого утреннего сна.

– Пошли за Лизонькой. Пусть знает, что я приехала.

В это время за дверью директорской квартиры раздался шум и послышались испуганные голоса. Через несколько мгновений перед директрисой предстали дортуарная горничная младшего класса и классная дама. Обе женщины были бледны и перепуганы насмерть. Но когда они увидели Аделию, то обе просто обомлели.

– Мадемуазель Синицкая? В чем дело? – строго спросила Аполония, но по ее спине уже пробежал предательский холодок жуткого предчувствия.

– Мадам... Мадам... не знаю, как и сказать, что думать, мадам... – пролепетала классная дама, переводя полный ужаса взгляд с директрисы на ее сестру.

– Ваша племянница, мадам, Лиза Липсиц... она... она пропала!

Аполония и Аделия посмотрели друг на друга широко раскрытыми глазами. В глазах Аделии все стало двоиться, расплываться, и она с шумом упала на пол.

Глава 2

Аделия сидела в кресле, около нее стоял Антон. Аделия улыбнулась, и на душе стало спокойней, как и всегда, когда она видела или слышала мужа. Но тотчас же острая мысль пронзила ее. Этого не может быть. Не может Антон Иванович с ней разговаривать! Аделия тряхнула головой и поняла, что это только плод ее воображения, спасительный обман, иллюзия, за которую она приняла хлопотавшую вокруг нее горничную, коей было поручено помочь мадам Липсиц.

– Где Аполония Станиславовна? – испуганно спросила Аделия.

– Бросились искать вашу дочь, сударыня! – Горничная заботливо обтерла пот, выступивший на лбу Аделии, и смочила ей виски одеколоном. – Да вы не пугайтесь, найдется! Куда она могла деваться-то отсюда? Спряталась, верно, где-нибудь под кровать, в бельево, слышит – ищут, а выйти теперь боится! Дети все шалят!

– Нет, моя не такая, она тихая девочка, послушная!

– И тихие шалят, вы уж мне поверьте! – тоном опытного педагога уверила ее горничная.

– Ох, как-то у меня тяжело на сердце, нехорошо, – прошептала Аделия. – Что же так долго не идут, надо и мне пойти искать!

Она хотела подняться, голова закружилась, и женщина была вынуждена опять сесть в кресло.

– Я капель вам принесу, мятных. Я сейчас, мигом! – И горничная убежала.

Аделия осталась одна, с тревогой ожидая новостей о дочери.

Лиза была единственным ребенком и в семье Липсиц, и у сестер Манкевич. У четы Хорошевых детей не было, а Леокадия упорно отрицала узы брака и бремя материнства, увлекаясь новомодными идеями эмансипации. Аделия не хотела отдавать девочку в пансион: слишком мала и слаба здоровьем. Она как чувствовала, что ничего путного из этого не выйдет. А ведь именно Антон тогда решил, что для поддержания престижа заведения его дочь, дочь банкира Липсица, будет учиться в пансионе Хорошевых. От его поддержки вообще многое зависело и в жизни пансиона, и во всей жизни сестер Манкевич.

Антон Иванович Липсиц стал опекуном барышень Манкевич, когда вдруг неожиданное сиротство свалилось на их несчастные головки. Их отец, статский советник, человек состоятельный, служил в Министерстве финансов. Его неожиданная скоропостижная кончина поставила семейство в очень затруднительное положение. Старшие девочки Аделия и Аполония учились в Институте. За их обучение каждый год исправно вносились солидные суммы. Овдовевшая госпожа Манкевич, желая, чтобы и третья дочь не была обойдена судьбой, ходатайствовала о зачислении младшей девочки в Институт за казенный счет. В память заслуг супруга ее прошение на высочайшее имя было удовлетворено. Все три сестры оказались в стенах одного учебного заведения, только Аделия уже готовилась к выпуску, Аполонии предстояло учиться еще год, а Леокадия только начала свой трудный путь на поприще наук. Каждую неделю по четвергам и воскресеньям в Институте открывались двери для родных и близких воспитанниц. Госпожа Манкевич, высокая дама с гордой посадкой головы, безукоризненной прической, всегда являлась одетая модно и изысканно. Этому правилу она не изменила, став вдовой. Вот откуда у Аделии умение носить траур.

Когда она являлась, дежурная классная дама посылала приставленную к ней ученицу оповестить.

– Манкевич Деля, Манкевич Поля! К вам приехали!

Они мчались вниз, в большой приемный зал, где среди прочих гостей воспитанниц всегда гордо и величаво восседала их мать. Но как бы быстро ни бежали Поля и Деля, высокие, чуть

поленькие девушки, Лека всегда их опережала. Маленькая и юркая, она уже обычно висела на шее у матери и канючила:

– Маменька, милая, ну заберите меня с этой каторги! Нет мочи терпеть!

Мать только сдержанно улыбалась. Она сама окончила Институт и справедливо полагала, что в его стенах все три ее дочери получат самое достойное воспитание. Она не желала, чтобы они целый день толпились дома, причиняя ей бесконечную головную боль своими детскими проблемами. Каникулы супруги Манкевич переживали с трудом. А теперь, когда она осталась одна... Нет, нет, и речи быть не может.

Стоны и жалобы Леки были вполне объяснимы. Из всех девочек Манкевич эта оказалась самой непоседливой и непослушной. Ей без труда давались знания, но совершенно невозможно было приучить ее к строгой дисциплине учебного заведения: рано вставать, заплетать особым образом косы, подвязывать белые рукавички, передник, мудрить с бантом пелерины. Да еще соблюдать строгий распорядок дня, слушаться занудную классную даму, зубрить уроки, делать правильный реверанс. Лека часто нарушала дисциплину, и ее, по обыкновению, записывали в рапорт, куда классные дамы заносили все провинности воспитанниц для доклада начальнице. Аполония и Аделия учились хорошо и отличались примерным поведением. Им очень часто приходилось выслушивать замечания насчет своей сестры.

Мать привозила им гостинцы, сладости, которые поедались со стремительной скоростью. Несъеденное тайно от всевидящего глаза классной дамы уносилось и пряталось в дортуаре, чтобы потом утолить постоянный для растущего организма голод.

Однажды Аделию вызвали в кабинет начальницы Института. Классная дама, усталая женщина средних лет, вдруг неожиданно погладила воспитанницу по голове с неведомой доселе жалостью. Девушка испугалась и оробела. Классные дамы вели себя по отношению к ученицам очень строго и отстраненно. Поэтому всякое проявление неподобающих чувств порождало недоуменный вопрос и страх. Когда Аделия вошла в кабинет начальницы, благообразной старухи, затянутой в синее шелковое платье, то увидела там своих сестер. Они тоже выглядели испуганными и робкими.

– Дети! – глухим голосом произнесла начальница. – Милые дети! Я вынуждена сообщить вам прискорбную весть. Ваша матушка скончалась.

Присутствие начальницы и классных дам не могло сдержать горя и отчаяния бедных сирот. Они зарыдали в голос. Три разорвавшихся сердца, три пушинки на волнах судьбы. Кому они теперь нужны, кто позаботится о них? Выждав, пока первый шок от ужасной новости пройдет, начальница добавила:

– Конечно, так как деньги за вас внесены, вы продолжите учиться в Институте. По решению Опекунского совета, вашим опекуном назначен господин Липсиц. Насколько мне известно, он был знаком с вашим батюшкой. Господин Липсиц порядочный человек, и он достойным образом распорядится вашим наследством. Вы не бедные церковные мышки. К тому же в стенах нашего заведения вам прививаются высокие нравственные принципы, которые помогут вам выстоять в жизни и с достоинством перенести удары судьбы. И потом, вас все-таки трое. Держитесь друг за друга, и вы не пропадете.

Осиротевшие дети по дозволению начальницы провели следующий день в лазарете. Они горько плакали и без конца повторяли: «Что с нами станет теперь?» Потом были похороны, куда они отправились в сопровождении одной из классных дам, а затем институтская жизнь покатила своим чередом, только с той разницей, что по четвергам и воскресеньям к девочкам Манкевич никто не приезжал. Аделия и Аполония без конца размышляли, куда же им податься после выпуска. Особенно тревожно было Аделии. Раньше, когда она думала о своем будущем, оно рисовалось ей точь-в-точь как жизнь их матери. Блестящее замужество, семейная жизнь, дети. С единственной разницей: собственное дитя она хотела бы оставить при себе и воспитывать сама. Ей очень не хватало семейного тепла, общения с родителями! Теперь, когда их не

стало, ощущение недостатка родительской ласки и любви особенно усилилось. Лежа без сна в холодном темном дортуаре, общей спальне для девочек, она постоянно терзалась мыслями о том, как жестоко поступает с ними судьба. Но если бог даст, все образуется, она будет любить и опекать сестер вместо матери.

Однажды в приемный день Аделию позвала дежурная. Недоумевающая девушка вышла в приемную залу, испуганно озираясь. Ведь их некому было навещать. Дежурная классная дама, важно вышагивающая посередине залы, подозвала ее к себе.

– Ступай вон туда, видишь, высокий господин и дама в летах. Это ваш опекун господин Липсиц и его мать. Они желают побеседовать с тобой.

Девушка робко приблизилась к посетителям. Дородная пожилая дама смерила ее строгим взглядом.

– Здравствуйте, барышня! – произнесла она. – Вы, наверное, не помните нас или плохо помните. Мы бывали в вашем доме при жизни ваших родителей. Я и мой сын Антон Иванович Липсиц.

– Увы, мадам, я не помню вас, – пролепетала Аделия. – Нас редко отпускают домой, только в каникулы.

– Да уж! Наслышаны о ваших строгостях! – ответила мадам Липсиц. – Только это все ни к чему!

Она хотела продолжить свою речь о пагубности подобного рода заведений, но ее перебил молодой мужчина, стоявший рядом:

– Маман, прошу прощения, но прибыли мы сюда не затем, чтобы клеймить недостатки женского образования.

– Ах, да! Ну, конечно! – Она отмахнулась от собственных мыслей и в первый раз улыбнулась девушке. – Милая, мой сын теперь ваш опекун. Теперь вы и ваши сестры не пропадете. Ваши деньги не достанутся ловким мошенникам и ловцам неопытных душ. Вы можете на него положиться. Его знает весь Петербург. – Она с гордостью посмотрела на сына.

Девушка подняла глаза на посетителя. Мужчина показался ей огромным и почти квадратным: квадратные плечи, квадратом подстрижена борода, из-за чего и голова казалась не совсем круглой, густые брови, волосы короткие, плотно прилегающие к черепу. Антон Иванович протянул свою большую руку, тоже квадратную, и, ухватив мягкие пальчики, легонько притянул их к себе и поцеловал.

– Вы чем-то напуганы, мадемуазель? Впрочем, я догадываюсь. Вас приводит в тревожное состояние ваше нынешнее положение, не так ли?

– Да, именно так.

– Успокойтесь. Я списался с вашей дальней родственницей из Калуги. Она согласна принять вас в свой дом и заботиться о вашей судьбе. Что касается судьбы ваших сестриц, то пока этот вопрос не решен. Однако я думаю, что в скором времени решится и он.

Аделия сдержанно поблагодарила за хлопоты, но внимательный взгляд гостя не мог не заметить разочарования, промелькнувшего на ее лице. К престарелой, совсем незнакомой тетке, в Калугу, в глушь, из столицы! Боже, что она там будет делать, из каких женихов выберет себе мужа? К тому же если она уедет, то расстанется с сестрами, которых, по-видимому, также распахают по родственникам? Вряд ли дальняя родственница согласится принять в дом трех молодых девушек. От этих унылых мыслей на глазах Аделии навернулись слезы. Но она не могла позволить себе плакать перед чужими людьми.

В это время подошли познакомиться с опекуном Аполония и Леокадия. Мадам Липсиц оценивающе оглядела сестер, и по ее взгляду и интонациям стало понятно, что ей более всего понравилась малышка Леокадия.

– Из вас вырастет очень яркий цветок, моя милая! – сказала она младшей Манкевич, потрепав ее за розовую смуглую щечку. – По всему видно, что пагубное влияние этого казенного заведения еще не отразилось на вашей юной натуре и цвете вашего лица!

Леокадия лукаво улыбнулась и скромно опустила глаза. Она хоть и была мала, но уже привыкла, что из трех сестер именно ее называют хорошенькой, привлекательной, милой. Старшие сестры были девушки высокие, слегка склонные к полноте, с толстыми темно-русыми косами и большими серыми глазами. Только у Аполонии носик был чуть уточкой, а у Аделии с горбинкой. Лека же была небольшая ростом, костью тонкая, с темными волосами и темно-зелеными глазами. В отличие от молочной кожи сестер ее кожа была смугла. Одним словом, Лека совсем не походила на сестер. Но все объяснялось просто: старшие – мамины дочки, а младшая – папина. Она унаследовала только его черты. Лека всегда кичилась своей непохожестью перед сестрами и дразнила их:

– Среди двух больших дубин рос прекрасный георгин.

– Среди двух прекрасных роз мухомор поганый рос, – в один голос отвечали сестры.

Знакомство с опекуном и его матерью внесло некоторое оживление в разговоры сестер. Может, их возьмут в дом опекуна на Рождество? Быть может, господин Липсиц передумает, и Аделию не отправят в калужскую ссылку?

Глава 3

Мечты иногда сбываются. Особенно если об одном и том же страстно мечтают три юных существа, с жаром обсуждают между собой и без конца рисуют в головах всевозможные картины будущего.

Накануне каникул, перед Рождеством, многих девочек уже разобрали родственники по домам, и Институт стремительно пустел. Швейцар только успевал отворять двери и называть фамилии воспитанниц.

В тот день неожиданно появился нарядный и важный, как павлин, лакей с письмом на имя начальницы. Как вскоре выяснилось, в этом письме господин Липсиц просил разрешить сестрам Манкевич провести рождественские каникулы в его доме при строгом досмотре его достопочтенной мамы. Сестры, узнав радостную новость, захлопали в ладоши и запрыгали. А ведь они уже представляли себя одиноко скучающими в стенах пустого Института и елку в квартире начальницы, куда обычно собирали детей, которых по разным причинам не взяли домой родители.

– Мадемуазели! Как можно так шуметь! Фи! Точно дикие козы прыгаете! – сердито проговорила классная дама младшего класса. На самом деле она обрадовалась, что хоть на время каникул избавится от этой несносной девчонки Леокадии. И как это родителям угораздило дать ребенку столь неподходящее имя! Волчок, сверчок, трещотка, неугомонная болтушка – вот как надо было ее назвать!

Справедливости ради следует заметить, что батюшка в церкви нарек девочек Авдотьей, Прасковьей и Лукерьей. Но можно ли было в девятнадцатом веке жить с такими простонародными именами!

В большой карете в сопровождении лакея девочек доставили в просторный дом Липсица на Большой Морской. Дом родителей тоже был просторный и хорошо обставленный. Девочки хотели побывать там, но Липсицы их отговорили. Дом заперт, прислуга распущена, мебель зачехлена. Вот на кладбище их отвезут обязательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.